

---

## Владимир Николаевич Хаустов (1948–2023)

1 января 2023 г. на 75-м году жизни после продолжительной болезни ушёл из жизни доктор исторических наук, профессор Владимир Николаевич Хаустов. Он родился в Москве, в 1964–1967 гг. до поступления на истфак МГПИ им. В.И. Ленина трудился рабочим в экспериментально-механической мастерской ВНИИ «Водгео». После окончания вуза в 1972 г. стал экскурсоводом в Центральном музее В.И. Ленина, но был призван в армию и в 1973–1974 гг. служил в Группе советских войск в Германии. После армии начался новый этап его биографии, связанный с преподавательской и научной деятельностью в Высшей школе КГБ СССР (позднее — Академия ФСБ РФ). Здесь он прослужил более 40 лет — с 1974 до 2016 г., защитил кандидатскую (1978) и подготовил докторскую (1998) диссертации, стал профессором, получил звание полковника. В последние годы жизни Владимир Николаевич работал в научно-исследовательском подразделении Военного университета Министерства обороны РФ.

Историографам ещё предстоит оценить вклад Хаустова в формирование научного направления «история отечественных спецслужб». Вместе с другими коллегами в 1997 г. он выступил инициатором ежегодных «Исторических чтений на Лубянке», которые продолжаются и поныне. В 2001 г. при его активном участии возникло «Общество изучения истории отечественных спецслужб», объединившее широкий круг исследователей.

В 1988–2013 гг. Хаустов возглавлял в Академии ФСБ РФ кафедру истории. Во многом благодаря незаурядной личности и научному авторитету Владимира Николаевича там сформировался сильный коллектив, занимавшийся не только преподавательской, но и научной деятельностью. Время его руководства пришлось на сложный и ответственный период, связанный с реформированием структур, обеспечивавших безопасность страны, необходимостью противостоять их огульной критике. Пришлось изучать практически «с нуля» или пересматривать многие страницы прошлого, рассекречивая и вводя в оборот новые документы. В этих условиях ярко проявились разные грани историка Хаустова — учёного и публикатора источников, педагога и организатора, автора многих учебных пособий и научного руководителя более 10 кандидатских и нескольких докторских диссертаций.

В центре внимания Хаустова оказались острые, имевшие значительный резонанс проблемы, связанные с событиями 1920–1950-х гг. Среди них — политические репрессии, работа разведки и контрразведки накануне и в годы Великой Отечественной войны и др. Докторская диссертация, защищённая им в 1998 г. в *alma mater* — МПГУ (бывшем МГПИ), освещала функционирование НКВД СССР в 1934–1941 гг. В условиях повышенного научного и общественного интереса к сталинизму, ГУЛАгу и террору 1930-х гг. труды Хаустова выделялись добросовестностью, стремлением избежать конъюнктуры и опорой на богатую документальную базу. Доступ к архивам спецслужб, Политбюро и Секретариата ЦК партии позволил ему одним из первых показать реальное место и степень влияния НКВД в системе организации власти, выявить связь разведки, контрразведки и политической полиции с руководством СССР, оценить

ранее практически неизвестный масштаб операций органов госбезопасности. При этом Хаустов был далёк как от идеализации чекистов, так и от попыток представить их исключительно орудием карательной политики И.В. Сталина.

Глубоко и профессионально анализируя источники, учёный критически относился к распространённому мнению, будто в докладах и сводках ОГПУ—НКВД отражена «истинная правда» о положении в стране. Одной из сложнейших исследовательских задач, для решения которой он лично сделал немало, Хаустов считал изучение инспирированных спецслужбами дел и реконструкцию «кухни» политических процессов, в которых, как он считал, реальность причудливо переплеталась с вымыслом, рациональное — с иррациональным, в итоге постепенно формировалась искажённая картина действительности, в которую начинали верить и следователи, и подследственные, и даже руководители страны во главе со Сталиным. Неудивительно, что столь сложное и противоречивое полотно вызывало непонимание у тех, кто предпочитал видеть сталинскую эпоху в чёрно-белых тонах, через дихотомию преступников и их жертв, не углубляясь в психологию того времени.

Расцвет творчества Хаустова пришёлся на первые десятилетия XXI в., когда одна за другой выходили его индивидуальные публикации, успешно осуществлялись совместные проекты с отечественными и зарубежными коллегами. Он умел работать в команде, выслушивал чужое мнение и не давил авторитетом. У него имелись большие научные замыслы, многие из которых, к сожалению, остались не реализованными. Как и другие историки периода «архивной революции», он торопился сделать достоянием гласности содержание рассекреченных текстов, отчего порой страдала археографическая составляющая их воспроизведения. Выбирая между выпуском сборников документов и монографиями, он часто оставлял аналитику «на потом».

Заметным историографическим явлением стало четырёхтомное документальное издание «Лубянка. Сталин и органы ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—МГБ» (М., 2003—2007), одним из основных составителей которого был Владимир Николаевич. Опираясь на этот солидный фундамент, Хаустов и американский историк Д. Ширер подготовили новаторскую книгу «Stalin and the Lubianka. A documentary history of the political police and security organs in the Soviet Union, 1922—1953», напечатанную издательством Йельского университета в серии «Анналы коммунизма» (New Haven; L., 2015). Из неё англоязычная аудитория узнала о более чем 170 оригинальных документах, отразивших взаимоотношения Сталина и советских спецслужб.

Особый интерес у Хаустова вызывали 1936—1938 гг. Трудно сказать, кто лучше него разбирался в коллизиях того времени. В этом легко убедиться, обратившись к вышедшей в 2009 г. книге «Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг.», написанной им совместно со шведским историком Л. Самуэльсоном.

Не менее важен и изданный Хаустовым в 2011 г. сборник «Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе, 1937—1938. Архив Сталина: документы и комментарии». Он окончательно устранил сомнения в осведомлённости и личном участии Сталина в репрессивной политике. Читатели впервые получили доступ к сводкам НКВД с добытыми в ходе следствия выдержками из «показаний», в которых, как правило, одни представители партийной, советской, хозяйственной, дипломатической, военной и прочей элиты оговаривали других. Как выяснилось, в 1937—1938 гг. такие «разоблачения» чуть ли не ежедневно ложились на стол вождя, реакция которого прослеживается в со-

хранившихся пометах и резолюциях. Затем обычно производились аресты, но в отдельных случаях (например, когда обвинения затронули С.М. Будённого и И.Г. Эренбурга) Сталин не давал делу ход. Так или иначе, Хаустов убедительно доказал, что в 1937–1938 гг. Сталин непосредственно санкционировал как заключение под стражу, так и приведение в исполнение по меньшей мере сотен приговоров, касавшихся в том числе и тех его соратников, которых он хорошо знал с дореволюционных времён.

В 2012 г. Хаустов выпустил в свет ещё одну сенсационную документальную публикацию – «Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит», дополненную вышедшим в том же году под редакцией О.Б. Мозохина сборником «Политбюро и дело Берия». В результате воссоздавалась подробная картина расследования в 1953 г. преступлений Л.П. Берии и его ближайшего окружения. Одним из главных пунктов обвинения Берии в преступной деятельности стало его участие в политических репрессиях. Как полагал Хаустов, соучастие в них не могли оправдать никакие заслуги, а источники «не оставляют места для различных домыслов» и свидетельствуют о том, что наказание было заслуженным. При этом в предисловии он констатировал, что «дело Берии является в определённом смысле приговором сталинской модели государства» (с. 6).

В последние годы жизни Владимир Николаевич также успешно занимался историей советской разведки. Специалисты высоко оценили составленные им совместно с проф. В.В. Захаровым и немецким историком М. Улем уникальные сборники «Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы» (М., 2015) и «Чекист, сбежавший к самураям» (М., 2022). В первом из них рассекречивалось несколько сотен документов разведслужб военного ведомства и ВЧК–ОГПУ–НКВД. Во втором приводились показания, полученные японцами во время допросов начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова, опасавшегося ареста в условиях развернувшихся репрессий и бежавшего в 1938 г. в Маньчжурию. Накануне Второй мировой войны ценная информация, сообщённая высокопоставленным перебежчиком, была передана немцам. Бесспорной заслугой Хаустова остаётся и обобщающий раздел о контрразведке СССР накануне войны, написанный для 12-томного коллективного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов».

Благодаря знанию нескольких иностранных языков Хаустов был в курсе историографических тенденций, изучал фонды зарубежных архивов, выступал на международных форумах. Его работы переводили и публиковали в США, Германии, Франции, Австрии, Польше и др. Не отказался он и от участия в создании многотомной «Истории России», работа над которой продолжается в Институте российской истории РАН.

Будучи известным учёным, В.Н. Хаустов никогда не кичился своими заслугами. Он останется в нашей памяти скромным, доброжелательным человеком с располагающей к себе улыбкой.

**С.В. Журавлёв, А.Ю. Попов**